

Старые понятия — новые проблемы: социология Макса Вебера в свете актуальных вызовов*

Томас Швинн

Доктор социологических наук, профессор,
директор Института социологии им. Макса Вебера Университета Гейдельберга
Адрес: Bergheimer Straße, 58, Heidelberg, Deutschland D-69115
E-mail: thomas.schwinn@soziologie.uni-heidelberg.de

Герт Альберт

Доктор социологических наук, профессор гуманитарного факультета
Университета Бундесвера в Мюнхене
Адрес: Werner-Heisenberg-Weg, 39, Neubiberg, Deutschland 85577
E-mail: gert.albert@unibw.de

Дмитрий Катаев
(переводчик)

Кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, социологии и теологии
Института истории, права и общественных наук
Липецкого государственного педагогического университета им. П. П. Семёнова-Тян-Шанского
Адрес: ул. Ленина, д. 42, корп. 2, г. Липецк, Российская Федерация 398020
E-mail: dmitrikataev@rambler.ru

Олег Кильдюшов
(научный редактор перевода)

Научный сотрудник Центра фундаментальной социологии
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: kildyushov@mail.ru

Обзорная статья Томаса Швинна и Герта Альберта является введением к сборнику, изданному по результатам симпозиума, который прошел в апреле 2014 года в Гейдельберге в честь 150-летия со дня рождения Макса Вебера. Представители нового поколения вебероведов стремятся панорамно представить парадигму, направленную на актуализацию идей классика, и дать новый импульс к исследованию его творчества. В первой части авторы прослеживают изменения в веберовской исследовательской традиции, произошедшие за 50 лет после резонансного конгресса 1964 года. Веберовская интеллектуальная традиция на современном этапе сталкивается с иными вы-

© Schwinn T., 2017

© Albert G., 2017

© Катаев Д. В., перевод, 2017

© Кильдюшов О. В., редаKTypa, 2017

© Центр фундаментальной социологии, 2017

DOI: 10.17323/1728-192X-2017-2-198-217

* Источник: Schwinn T., Albert G. (2016). Alte Begriffe — Neue Probleme: Max Webers Soziologie im Lichte aktueller Herausforderungen // Schwinn T., Albert G. (Hrsg.). Alte Begriffe — Neue Probleme: Max Webers Soziologie im Lichte aktueller Problemstellungen. Tübingen: Mohr Siebeck. S. 1–19.

зовами, главным из которых является ответ на вопрос, имеет ли социология Макса Вебера достаточный потенциал, чтобы помимо осмысления возникновения и становления современности быть актуальной теорией для диагностики и прогнозирования нынешних проблем глобализации и модернизации. Во второй части представлены критические аннотации докладов и публикаций, в которых с помощью веберовских категорий анализируются актуальные проблемы и феномены в таких тематических разделах, как «Биография и отражение великих культурных проблем», «Религиозный фундаментализм и секуляризация», «Новые формы национального и транснационального господства», «Актуальный капитализм финансовых рынков», «К актуальности социологии культуры», «Современные варианты харизмы», «Потребление и социальное неравенство», «Исторический генезис и распространение современности». Далее эксплицируется тезис об эвристическом потенциале трехсоставной веберовской парадигмы (теория, методология и исторический анализ) для исследования как трансформационных процессов настоящего, так и для прогнозирования развития современности в будущем, охватывая широкий спектр актуализированной веберовской социологии.

Ключевые слова: теоретическая социология, Макс Вебер, веберовская парадигма, современность, глобализация

Как актуализировать классика?

Настоящий сборник опубликован по результатам конференции, прошедшей в Институте социологии имени Макса Вебера Гейдельбергского университета в апреле 2014 года в рамках празднования 150-летия со дня рождения классика. Сегодня для такого мероприятия нужны веские основания, поскольку просто воспоминаний об этом человеке уже никому не нужно. Макс Вебер, как никакой другой ученый, известен широкой общественности далеко за пределами мира науки. Политики, писатели, журналисты прибегают к его понятиям и идеям — хотя и не всегда уместно. В юбилейных мероприятиях 2014 года в Мюнхене участвовал даже Народный университет (при поддержке Баварской академии наук). Почта Германии выпустила марку с изображением Макса Вебера. Вебер появляется даже в популярной литературе, например в триллере Джона ле Карре «Абсолютные друзья». Труды и личность Вебера сегодня известны всему миру. В качестве иллюстрации приведем несколько актуальных примеров: летом 2011 года прошла встреча группы бразильских интеллектуалов в Сан-Паулу, посвященная Макс Веберу; в китайском журнале «Зеркало» вышла объемная статья о наследии Макса Вебера в современном Гейдельберге; в Бейруте в продаже появился первый арабский перевод «Полного собрания сочинений» (Hanke, 2014: 285). «Протестантская этика» вошла в список бестселлеров в 2006 году в Китае (Müller, 2007: 261). Макс Вебер — самый читаемый в мире автор в нашей дисциплине. Мы имеем дело с настоящим продуктом высшего гейдельбергского качества, причем созданным без всякого административного принуждения, ставшего сегодня обыденным. Все написанные в Гейдельберге работы, принесшие ему всемирную славу, были созданы вне университета, на границе академического мира (Lepsius, 2006: 17).

Зачем тогда нужно это памятное мероприятие? Ведь он известен настолько, что, надо полагать, уже не нуждается в рекламе. Чтобы прояснить значение такого мероприятия, необходимо проследить историю рецепции и ее основные вехи. В ретроспективе известность и слава Вебера не кажутся само собой разумеющимися. Можно выделить две фазы рецепции: 1) основанную на *событиях и личностях*; 2) обусловленную *институционально*.

Первое десятилетие после смерти Вебера в 1920 году его публичная известность была связана скорее с его политической деятельностью, чем с научным наследием. Философ Карл Лёвит утверждал в 1932 году, что его «теоретические работы» по социологии, социальной политике, истории хозяйства и национальной экономике «не считались продуктивными даже в его профессиональной сфере — специальных дисциплинах или современной политике». «После смерти его скорее считали представителем политического и научного «либерализма», противоречивым представителем закончившейся буржуазной эпохи» (Löwith, цит. по: Borchard, 2006: 8). В том же году Карл Ясперс задавался вопросом, «почему он не оказал никакого влияния?» (Borchard, 2006: 8). Несмотря на то что сейчас история влияния представляется более дифференцированно, даже в послевоенные годы веберовскому наследию не уделялось никакого серьёзного внимания, не говоря уже о статусе классика. Даже в 1960-е годы невозможно было представить, что Вебер станет неотъемлемой частью исследовательской и учебной индустрии. В первые 50 лет после смерти Вебер не был забыт благодаря нескольким ключевым фигурам (Borchard, 2006: 10; Lepsius, 2006: 23 f.). Люди, впечатленные и восхищенные его творчеством, создали предпосылки для дальнейшей рецепции. Исключительную роль здесь сыграла Марианна Вебер, которая сделала тексты Вебера доступными и опубликовала биографию «Жизнь и творчество Макса Вебера» (1984 [1926]), чем сохранила память о нем. Эта роль позже перешла к Йоханнесу Винкельманну, чья творческая сила привела в дальнейшем к началу издания полного собрания сочинений в 1970-е годы. Примечательно, что они оба — и Марианна Вебер, и Йоханнес Винкельманн — популяризировали творчество Вебера вне университетской среды. Не институционализируемая значимость, а личное восхищение стало основой их труда. Только в 1960-е годы Йоханнес Винкельманн за свои усилия получил университетскую должность в Мюнхене.

В других странах на первом этапе рецепции также фиксируется данная модель. Речь идет об отдельных фигурах, воспринявших идеи Вебера и пытавшихся популяризировать его наследие. В США это прежде всего Толкотт Парсонс и Рейнхард Бендикс, во Франции — Раймон Арон (Müller, Sigmund, 2014: 7f., Tyrell, 2014: XIVf.). В отличие от обоих немецких промоутеров, все они занимали прочные позиции в университетах и были очень известны. Восхищение Вебером наглядно демонстрируют слова Эдварда Шилза: «Потрясающим было то, что благодаря идеям Вебера открывались перспективы на вещи, о взаимосвязи которых я даже не предполагал. <...> Я был не в состоянии воспринять или упорядочить все это для себя удовлетворительным образом. Чтение Вебера в буквальном смысле захватывало дух.

Иногда я должен был прерывать чтение и одну или две минуты ходить, пока снова не успокоюсь» (Shils, цит. по: Scaff, 2013: 255).

Помимо ключевых фигур, на первом этапе рецепции также значимы некоторые события (Borchard, 2006: 11; Weiß, 1989: 17ff.; Roth, 2006; Ay, 2006; Scaff, 2013: 295 f.). Мероприятия к 100-летию со дня рождения Вебера в 1964 году представляют собой рубеж в истории рецепции, хотя он до сих пор оценивается по-разному. Тогда по обеим сторонам Атлантического океана прошло множество конференций, посвященных юбилею Вебера: конференция Социологического общества Среднего Запада (Midwest Sociological Society) в Канзас-Сити¹; посвященная Макс Веберу сессия Международной социологической ассоциации (International Sociological Association) в Монреале²; социологический конгресс 1964 года в Гейдельберге, посвященный одному-единственному классику (Stammer 1965). Наконец, в Мюнхенском университете прошло празднование в честь юбилея Макса Вебера; ему же был посвящен цикл лекций (Engisch et al., 1966). Данные мероприятия привели к точно фиксируемому росту числа ссылок на Вебера (Borchard, 2006: 11; Scaff, 2013: 295f.). В особенности социологический конгресс в Гейдельберге одновременно способствовал как возвеличиванию, так и принижению Макса Вебера. «Кёльнский журнал социологии и социальной психологии» следующим образом прокомментировал самый крупный на тот момент конгресс Немецкого социологического общества:

15-й Социологический конгресс вызвал неловкое чувство. Как заметил один американский коллега, при его завершении уже не знали, для чего, собственно, собрались в Гейдельберге... Рейнхард Бендикс некоторое время назад требовал сначала «освоить» Вебера, а потом уже его применять. Но на данном конгрессе этого определённо не произошло... Перефразируя надгробную речь Марка Антония, можно действительно задаться вопросом... «Они пришли хоронить Цезаря или восхвалять его?» (Roth, 2006: 382)

В целом доминировала фрагментированная рецепция Вебера, отмеченная жаркой полемикой, в которой Вебер фигурировал как представитель различных противоборствующих позиций. Тем не менее мероприятия и публикации 1964 года заложили основу притязаний нашей научной дисциплины, социологии, на осмысление этого автора (Ay, 2006: 405).

Только с началом второй фазы рецепции, начиная с 1970-х гг., можно увидеть стремление к систематизации его трудов с целью общего теоретического обоснования и самопрояснения социологии (Schluchter, 1979, 1988, 2006, 2007; Habermas, 1981; Alexander, 1983). С началом составления Полного собрания сочинений в 1974 году — а первые тома вышли в 1984-м — была создана и текстологическая основа для этого.

1. Sociological Quarterly. 1964. Vol. 5.

2. American Sociological Review. 1965. Vol. 30. № 2.

В последние десятилетия веберовские работы получили такую притягательную силу и международное внимание и признание, каких никогда не было в первой фазе. По числу цитат и ссылок, «импакт-фактору», количеству статей, монографий, сборников и конференций и рейтингу Международной социологической ассоциации Макс Вебер относится сегодня к наиболее цитируемым авторам нашей дисциплины. Ни один из социологов XX века не имел такого успеха во всем мире. В общих чертах это признание прошло путь от сохранения присутствия автора и его наследия благодаря отдельным личностям к институционально обусловленной, ставшей самостоятельной веберовской рецепции. Масштаб институционализированной рецепции задокументирован в академических биографиях, карьерных шансах и возможностях публикаций, открывающихся благодаря классику. Растет интерес не только к творчеству, но и к личности Вебера. Только в 2014 году вышло две биографии: Юргена Каубе (Kaube, 2014) и Дирка Кеслера (Kaesler, 2014). Если причислить сюда также биографию Йоахима Радкау (Radkau, 2005) и биографически ориентированные монографии Гюнтера Рота (Roth, 2001), Михаеля Зукале (Sukale, 2002) и Лоуренса Скаффа (Skaff, 2013), то мы получаем более чем 4000 страниц биографического описания, без учета сборников, посвященных личности Вебера. Тогда как биографический томик Норберта Фюгена (Fuegen, 1985) из 1980-х включал всего 150 страниц.

Где мы находимся сегодня? К чему эти юбилейные мероприятия, которых становится все больше? Десятилетие назад они были посвящены 100-летию «Протестантской этики», в 2014 году — 150-летию со дня рождения, в 2020 году будет отмечаться 100-летие со дня смерти. Как уже говорилось, вспоминать об этом человеке уже нет необходимости. Создание с помощью таких памятных мероприятий культа личности вызвало бы отвращение у самого Вебера (Lepsius, 1990: 30). Идеи имеют собственное право на жизнь помимо обстоятельств, но эти обстоятельства в значительной мере определяют, найдутся ли у идей группы носителей. В полной мере это относится к творчеству Макса Вебера.

Живым является классик только тогда, если ему есть что нам сказать, если его тексты и мысли являются применимыми и способствуют решению и анализу современных проблем. Творчество Вебера распространено по всему миру, его тексты переведены на множество языков. При этом до сих пор нет обоснования и изложения его всемирного значения. Нет глобальной истории его влияния, но есть множество национально-культурных историй рецепций и несколько сопоставлений этих историй. (Hanke, 2014: 286)

Творчество Вебера распространено повсюду неодинаково. Это можно эмпирически констатировать по количеству переводимых веберовских работ. Эдит Ханке называет следующие условия роста интереса к ним: общественные трансформации, которые особенно требуют истолкования и объяснения, а также интеллектуалы и ученые, которые отвечают на этот запрос.

В случае Макса Вебера всегда находятся интеллектуалы, которые с его помощью критически рефлексуют и сопровождают кризисы в собственной культуре. В ретроспективе речь идет о глубоких социально-экономических и политических трансформационных процессах. <...> В случае Японии переход от традиционно-агарного к капиталистическому обществу сопровождался интенсивной рецепцией Макса Вебера. В случае Советского Союза перестройка сопровождалась возобновлением интереса к Веберу. Следующая статья исходит из гипотезы, что в переломные моменты — ключевым словом здесь является «модернизация» — Вебер был и остается важным спутником. (Hanke, 2014: 286)

Здесь мы видим убедительный пример того, как следует актуализировать классика и какую направленность должны иметь юбилейные мероприятия. История рецепции не является определяющей — от этого мы сознательно отказались при планировании мероприятия в Гейдельберге. Ссылки на Вебера мы находим у ученых самого разного происхождения и направленности. Тем не менее из этой широкой рецепции его творчества не возникла никакая национальная или интернациональная «Веберовская школа». Доминируют фрагментарные, специфические предметные и тематические подходы. Это во многом обусловлено фрагментарным характером самого веберовского наследия, систематизация которого дается нелегко. Маловероятно, что ориентация на историю рецепции на данном пути будет очень продуктивна. Жизнеспособность исследовательской программы во многом зависит от ее способности схватывать различные коды нашей эпохи и связанные с ними жизненные проблемы. Востребованы усилия, направленные на раскрытие и развитие веберовской социологии в сопоставлении с современными проблемами. В веберовской трехсоставной исследовательской программе — методология, теория, анализ исторического материала — актуализация последней компоненты в последнее время играла незначительную роль. Настоящий сборник пытается ответить на этот вызов и дать дальнейшие импульсы. Если в трудах Макса Вебера в центре внимания находится реконструкция и объяснение исторических условий возникновения и утверждения современности, то его актуализированная теория должна подтверждать себя и в диагностике, и в прогнозировании динамики развитого модерна.

Так как социология как наука связана с охватываемыми ею «предметами», существует четкая взаимосвязь между теорией и современными проблемами и трансформациями. Будущее веберовской парадигмы будет зависеть от того, удастся ли ей сохранить связь с изменяющимися проблемами. «Если свет великих культурных проблем идет дальше, то и наука должна переосмысливать свое место и понятийный аппарат и соответственно изменить их».

Известные отцы-основатели социологии стали классиками только потому, что предложенные ими понятия, теории и постановки проблем и сегодня выполняют важную функцию академического взаимопонимания внутри и между различными школами, а также фокусируют внимание и мобилизуют усилия науки. Сам Ве-

бер полагал, что эти основы взаимопонимания должны постоянно обновляться посредством интерпретации, критики и экспликации. Не стоит думать, что это изменение позиции, эта актуализация его творчества является автоматическим продуктом существующей «веберовской индустрии», которая до сих пор ограничивается традиционной мыслительной рутинной, связанной со стандартной тематикой. Для решения новой задачи нужны не ключевые фигуры, как на первом этапе рецепции, а заинтересованные интерпретаторы. Организаторы Гейдельбергского симпозиума исходили из того — и статьи настоящего сборника демонстрируют это, — что актуализация творчества Вебера может быть успешной, что его аналитическая программа еще не исчерпала себя и что его аналитические взгляды не обесценились. Таким образом, будет достаточно материала для будущих юбилеев.

О докладах

Помимо прозвучавших на симпозиуме докладов, в сборник были включены уже опубликованные работы, в которых актуальные феномены и проблемы удачно анализируются посредством веберовских категорий. Таким образом, сборник представляет широкий спектр актуализированной веберовской социологии.

М. Райнер Лепсиус видит актуальность веберовской «парадигмы» в самой постановке вопросов. Национальная государственность Германии, блокировавшая демократизацию, а также ее включенность в глобальный капитализм стала тем историческим контекстом, который дал импульсы творчеству Вебера, но не определял его. Он характеризует Вебера как противника авторитарного политического режима Германии своего времени, сторонника эмансипации гражданского общества, парламентаризации политической системы, активного социального политика и члена «левого крыла» Союза социальной политики, противника колониальной и захватнической политики, а также как сторонника примирения после Первой мировой войны. В этот исторический и биографический контекст Лепсиус помещает важнейшие исследования Вебера и поставленные им проблемы и тем самым рисует интеллектуальный портрет, объясняющий возникновение и направленность веберовской исследовательской программы и ее понятий. При этом Лепсиус, говоря о «веберовской парадигме», использует понятие своего учителя Роберта Мертона.

Герт Альберт продолжает исследование методологической актуальности веберовской парадигмы с точки зрения вопроса, как следует понимать образование понятий и как необходимо реагировать на изменение постановки научных проблем. Согласно Веберу, социальным наукам и наукам о культуре как историческим наукам суждена «вечная молодость». Ценностные изменения в культуре всегда обуславливают новую постановку проблем, выбор и конструирование новых объектов объяснения и связанные с этим методические средства в форме идеально-типических понятий. Сначала Альберт пытается показать, насколько веберовская

методология объяснения и понимания посредством идеально-типических понятий может рассматриваться как вполне современная теория науки, а не идиосинкразия. Затем он релятивирует тезис о вечной молодости социальных наук и, основываясь на Вебере, формулирует теорию приближения к истине, которая допускает кумулятивное приращение знания в рамках веберовской исследовательской программы, выходящее за пределы простых изменений в науке, которые были очевидны и самому Веберу.

Мартин Ризенбротт в своей статье исследует проблему разрыва между традиционными секуляристскими ожиданиями и неожиданным усилением религиозных и особенно фундаменталистских течений. При этом он избегает как полного отказа от тематики секуляризации, так и редукции религиозных феноменов к рыночным феноменам в утилитаристской перспективе. Вместо этого он формулирует общую теорию религии с точки зрения потенциала преодоления внеобыденных кризисных ситуаций и рисков. В соответствии с ней эффекты секуляризации объясняются как эффекты усиливающегося контроля над рисками, выступая тем самым в качестве типичного для западного модерна процесса рутинизации. Однако непреодолимые риски и кризисные ситуации, связанные со смертью, болезнью, господством и социальной мобильностью, даже в эпоху модерна сохраняют неснимаемый потенциал для религиозных трактовок и практик. Этим объясняется усиление фундаменталистских движений, которое Ризенбротт типологизирует применительно к следующим социальным слоям: фундаментализм маргинализованных «среднего слоя», городских низов, пролетаризированных интеллектуалов и женщин. Фундаментализм предстает здесь как привлекательная попытка усиления контроля над современными кризисными ситуациями, к которым относится и сама возрастающая секуляризация общества. Таким образом, Ризенбротт актуализирует веберовскую программу социологии религии, исследующую избирательное сродство между определенными признаками социального положения различных групп носителей и их восприимчивостью к определенным культурным предложениям.

Ганс Киппенберг, напротив, считает понятие секуляризации очень ограниченным с точки зрения полезности и диагностирует такое же отношение к нему у Макса Вебера. Ведь хотя Вебер и интересовался судьбой религии в современности, он не использовал при этом понятие секуляризации в смысле обмирщения, секуляризация у него предстает как историко-правовое понятие с ограниченным значением. Вместо этого он схватывает изменение положения религий в эпоху модерна с помощью понятия «расколдовывание». При этом он нигде не выдвигал тезис, что религия как феномен порядка становится менее значимой в процессе модернизации. Скорее, расколдовывание как обесценивание мира, связанное с верой в принципиальную калькулируемость и возрастающий контроль над всеми вещами, переносит религию в сферу субъективного. В процессе расколдовывания мира религия утрачивает целерациональную соотнесенность с миром, превращаясь в этику убеждения или мистику. Таким образом, религиозность не исчезает в

современности, но меняет свой характер в направлении ухода и отказа от мира. Тем самым диалектика расколдовывания заключается в субъективации ожиданий спасения и связанного с этим усилением значимости способа ведения жизни. Распознать субъективированную религиозность можно в феноменах миллениаризма, эзотерики и этики солидарности, которые связаны и с возникновением новых религиозных сообществ, в том числе фундаменталистских.

Андреас Антер исследует вопрос, в какой мере веберовская социология господства может нам еще что-то сказать в свете изменений в практике государственного господства, супербюрократии ЕС и в международном сообществе государств. Этот вопрос особенно значим в свете диагноза некоторых авторов (самый известный из них Никлас Луман), утверждавших, что сегодня уже больше не «господствуют» и потому лучше избегать понятия «господство». Как считает Антер, действительная государственная и управленческая практика опровергает тезис о «конце господства», хотя сама практика господства изменилась. Включение демократических механизмов контроля стало сегодня повсеместным, поэтому сверхадминистрирование уже невозможно. Сам Вебер как раз интересовался вопросом, как наиболее эффективно можно институционализировать такие механизмы контроля, выражая сомнения в их эффективности. Его мрачные видения о «клетке подчинения» имеют здесь свое предметное основание. Темные сценарии механизации и дисциплинирования посредством бюрократии были обусловлены его убежденностью в ее незаменимости. На фоне реформаторских усилий в духе «New Public Management» сейчас говорят о неадекватности веберовской теории бюрократии и ненужности бюрократии веберовского типа для нынешней управленческой практики. Однако в действительности, как считает Антер, управление в Германии структурировано по традиционному образцу, как и политическая система ЕС, которая должна пониматься как форма бюрократического господства. В аппарате ЕС обнаруживаются как раз те структуры, которые Вебер считал угрозой. Именно они ответственны за дефицит легитимности ЕС и очень точно описываются веберовской концепцией легитимности.

Уте Магер концентрируется в своей статье на веберовском типе легального господства и его применимости к Германии, ЕС и международным отношениям. Сначала он рассматривает немецкое конституционное и административное право в свете данного идеального типа. Применительно к сфере правительственной и административной деятельности в современной Германии актуальность этого типа просто поразительна. Впрочем, это релятивируется все более частым привлечением совещательных органов, состоящих из представителей экономически и социально влиятельных слоев, когда конкретные компетенции интересантов используются рациональным управлением профессионально обученных чиновников. Вопреки веберовскому тезису об усилении власти бюрократии, Магер констатирует ослабевание управленческой власти государства. Это ведет к отказу от легального типа господства из-за его закрытой иерархической организации, а также к ослаблению привязки к парламентским законам. С точки зрения законодательной

основы легального господства у Вебера имеет место позитивизм в понимании законов, тогда как после Второй мировой войны в Германии произошел ренессанс естественного права, которое прочертило произволу правового позитивизма ценностные границы посредством конституции, в том числе посредством включения в нее прав человека. Относительно постулируемого Вебером напряжения между демократией и бюрократией, с одной стороны, обнаруживаются интересные компромиссы, наблюдаемые на примере требований компетентности, предъявляемых к бургомистрам как избираемым чиновникам в немецких муниципалитетах. С другой стороны, партиципация и транспарентность ослабляют чистую форму типа легального господства, но усиливают его легитимность. ЕС переживает ренессанс коллегиального принципа, который носит название «Открытый метод координации» и определяет его систему комиссий. ЕС, как и международные институты, следует рассматривать как формы координированного, целерационального действия, которые невозможно охватить типом легального господства.

Кристоф Дойчманн проблематизирует интерпретацию капитализма Максом Вебером как расколдованного рационального экономического порядка. В возрастающем «расколдовывании денег» в современном финансовом капитализме Дойчманн видит не развитие системы, а симптом кризиса. Расколдовывание и рационализация являются у Вебера взаимодополняющими понятиями: с точки зрения актора, рационализация есть то же самое, что и расколдовывание на уровне объекта. Полная рационализация экономики означает расколдовывание всех экономических транзакций с точки зрения их финансовой калькулируемости. Вместо рационализации в данном случае также говорят об «экономизации» и «маркетингизации». В последнее время также говорят о «финансиализации», причем значимость критериев финансовой рационализации увеличивается и в неэкономических сферах — феномен, который Вебер в принципе уже вполне мог наблюдать. Подобная финансиализация приводит к конфликту в самой экономике, связанному с усилением требований финансовой прозрачности, предсказуемости и рентабельности предприятий. Ведь рационализация экономики не была до сих пор сплошной, в том числе и из-за того, что свободный наемный труд не является обычным фактором производства, а представляет собой потенциал, наделенный «креативными» свойствами. Креативное действие — нечто отличное от того, что подразумевал Вебер под типичным для экономики целерациональным действием. К креативности относится и экономическая неопределенность в форме «креативного разрушения» Шумпетера. Этот креативный потенциал с наступлением свободного рынка труда становится заветным и приводит к новому заколдовыванию денег, применяемых в качестве капитала. Непредсказуемая креативность, наряду с калькулируемой рациональностью, является при этом важнейшим признаком успешного капиталистического предприятия. Однако вместе с финансовым капитализмом интересы рантье берут верх над предпринимательскими интересами, а инновационные способности предприятий драматичным образом блокируются. Возникающая таким

образом неспособность капитала к получению прибыли может привести к саморазрушению капитализма.

Реалино Марра в своей статье о веберовских работах о бирже сначала описывает место последней в капиталистическом экономическом порядке. Биржа является для Вебера удобным местом для оптовой торговли, а также самым большим рынком, для которого характерна торговля в отсутствие товара. Таким образом, биржа увеличивает финансовую и политическую власть государства. Вебер считал, что регулирование финансовых рынков должно находиться в руках профессиональных биржевиков. При этом французской и прусской модели он предпочитал английскую, существовавшую в Лондоне как самоуправление гомогенного союза профессиональных биржевиков, закрытого для мелких и неопытных спекулянтов. Однако при этом Вебер не учитывал значительную разницу в положении банков в английской и прусско-немецкой модели: в английской модели оно было не так выражено, что ограничивало возможность политического влияния. Вебер не заметил этого момента, но наверняка приветствовал бы его. В своей социологии господства Вебер еще более негативно отзывался о возрастающей концентрации финансовых средств в руках банков. В частности, кредитная власть банков может иррациональным образом влиять на цели предприятия. Марра приходит к выводу, что работы Вебера о бирже вполне значимы для реконструкции его интеллектуального становления, однако мало подходят для анализа современного финансового капитализма.

Вольфганг Шлюхтер в своей статье рассматривает вопрос, можно ли в случае Современности говорить о новой культуре осевого времени. Вначале он проясняет, какие содержательные и историко-временные контуры очертили такие центральные авторы дебатов вокруг культур осевого времени, как Альфред Вебер, Карл Ясперс, Шмуэль Н. Эйзенштадт и Роберт Н. Белла. Альфреду Веберу принадлежит не авторство самого понятия осевого времени, но выявление схватываемой им предметной области. Ясперс радикализирует эту идею и прочерчивает ось между произошедшими одновременно и независимо друг от друга прорывами в трех культурных ареалах — Китае, Индии и Западной Европе, все еще ограничивая ее первым тысячелетием до нашей эры. Шмуэль Н. Эйзенштадт идет еще дальше: для него и христианство, и ислам относятся к культурам осевого времени. Согласно Шлюхтеру, общим для этих культур является уже не временной момент прорыва, а вид прорыва. Поэтому следует говорить об одном общем для различных культур осевом принципе. Далее он задается вопросом о том, существует ли у Современности собственный осевой принцип. Дэниел Белл дал на это ответ применительно к сферам экономики (эффективность), политики (равенство) и культуры (самореализация). Чарльз Тейлор и Ханс Блюменберг также рассматривают Новое время как секулярную эпоху, которая выработала собственную легитимность из самой себя. Для характеристики данного осевого принципа можно вернуться к понятию расколдовывания Макса Вебера. Проблема секулярного века в том, чтобы трансцендировать имманентное, причем не как коллективно навязанное, но в качестве

индивидуально понимаемого долга. Для Вебера это была проблема способа ведения жизни в расколдованном мире, которую он решает призывом к героическому индивидуализму.

Эльмар Ригер освещает в своем докладе особый западный путь в социальной политике, которой Макс Вебер в своем исследовании протестантской этики приписывал особую рациональную основу, помимо капитализма. Центральный, исходный пункт его аргументации заключается в тезисе о рациональности социальной политики, которая стремится преодолеть бедность, экономическую неопределенность и маргинализацию как объективные обстоятельства, особенно не интересуясь индивидуально-субъективными причинами и формами проявления бедности. При таком виде социальной политики речь идет о решении социального вопроса как всеобъемлющей, институционально-политической коррекции определенного состояния общества. В таком случае первый тезис гласит: социальная политика имеет религиозные корни и потому встречается лишь в западной части мира, поскольку лишь здесь можно найти необходимые религиозные основания. Второй тезис гласит о том, что существует определенная функциональная эквивалентность религии и социальной политики. В первой части автор делает набросок всемирно-исторической уникальности иудео-христианских конфессий и их продолжения в определенной форме рациональной социальной политики. Во второй части Ригер развивает свой тезис о функциональной эквивалентности религии и социальной политики и иллюстрирует его на примере Китая. В третьей части он противопоставляет теории социального порядка в христианстве и исламе с целью углубления своего тезиса об особом пути. Пятую часть статьи он посвящает Индии, в которой, несмотря на западный институциональный порядок, из-за индустриальной кастовой системы до сих пор отсутствует социальная политика европейского образца.

Ганс-Петер Мюллер рассматривает в рамках веберовской исследовательской программы задачи социологии, изучающей способы ведения жизни. Сначала он фиксирует то, что Вебер удивительным образом не дает никаких определений всем понятиям, связанным с «жизнью», в том числе понятию «ведение жизни». Это центральное понятие нуждается в экспликации в рамках концептуальной схемы, которая была бы близка веберовскому пониманию, но ни в коем случае не тождественна ему. Несмотря на отсутствие определения, понятие ведения жизни является нормативной и аналитической точкой схода в социологии Макса Вебера. Для него было важно установить, какой тип человека и какой способ ведения жизни поддерживает господствующая культура. Его прежде всего интересовало «формирование человеческого рода». Важным вопросом для Вебера было то, какое воздействие оказал процесс рационализации на современную жизнь. Следствием связанного с этим процесса секуляризации было то, что на уровне практического рационализма только сам индивид может наполнить свою жизнь осмысленным содержанием. И хотя шансы на автономное ведение жизни никогда не были столь благоприятными, Вебер в этом отношении был настроен довольно

скептически — прежде всего из-за фиксированности его современников на порядке. Однако в своей масштабной «Хозяйственной этике мировых религий» Вебер попытался эмпирически выявить принципы формирования способов ведения жизни. Современные исследования стилей жизни не следуют программе Макса Вебера. Немецкая социология уже давно не является в этом смысле «жизненной» наукой, которая может серьезно и глубоко исследовать культурные и экзистенциальные вопросы нашего времени. Центральная для Вебера тема исследования одобряемых способов ведения жизни ею уже не рассматривается. Тем не менее автор показывает в своей статье, на каких принципах могло бы основываться такое исследование сегодня.

Гаральд Венцель размышляет на тему образа жизни как терапии. Отправным пунктом для него является веберовский тезис о «парадоксе рационализации» современного общества и, соответственно, «парадоксах способов ведения жизни» современного человека. Современная личность вынуждена занимать позицию в контексте конфликтующих ценностных сфер и социальных порядков и нести ответственность за свое решение со всеми вытекающими последствиями и амбивалентностями. В современном мире требует дальнейшего развития проблема методического ведения жизни, изначально поставленная перед верующим в кальвинизме и связанная с проблемой самопрояснения собственного состояния спасенности. Здесь центральным является вопрос, как именно развивалось это субъективное самопрояснение. Автор проводит дугу от веберовских размышлений относительно опыта эмоциональной достоверности внутри методического ведения жизни по ту сторону кальвинизма до (само)терапевтической жизненной методики постевангелических деноминаций в США. Для этого он вначале рассматривает веберовские исследования эмоционального характера опыта субъективной достоверности, связанной с состоянием спасенности. В качестве второго шага он показывает на примере из сферы образования и воспитания, а именно программ исследования воздействия на самооценку, эффективности развивающих программ, что и в других теоретических традициях опыт субъективной достоверности становится важной проблемой. На третьем этапе автор останавливается на тезисе «эмоционального капитализма», сформулированном Евой Иллюз и представляющим собой расширение веберовского тезиса о рационализации еще и в аспекте популяризации терапевтического самосоотнесения как способа методического ведения жизни. Затем следует применение тезиса эмоционального капитализма к постевангелическим деноминациям, в особенности к церкви «Виноградник». Работа по субъективному самопрояснению прямо принимает здесь форму терапии.

Современный вариант харизмы Агата Бьенфэ исследует в своей статье функции канонизации и беатификации в католической церкви. Поводом для ее исследования стало резкое увеличение числа канонизаций и беатификаций в католической церкви во время понтификата Иоанна Павла II (1978–2005). К 2004 году он сам совершил 482 канонизации, что на 180 больше, чем все его предшествен-

ники с 1592 года. Сюда следует добавить 1332 случая беатификации (980 во все предыдущие столетия), обеспечивших потенциальных кандидатов для будущих канонизаций. С XVI столетия католическая церковь обладает формальной, строго юридически разработанной процедурой перманентного «конструирования» святости — это так называемый процесс канонизации, в рамках которого точно оцениваются и подтверждаются харизматические свойства на основании установленных «знамений и чудес». Данный процесс канонизации был реформирован в 1983 году Иоанном Павлом II. Таким образом была создана основа для массового увеличения числа канонизаций и беатификаций. Это следует понимать как церковно-политический ответ на запросы и потребности в репрезентации, зафиксированные Вторым Ватиканским собором. Данный тезис автор иллюстрирует двумя аспектами реформы 1983 года: плебисцитарным расширением должностной харизмы посредством повышения значимости мнения мирян и контекстуализацией понятия «святости» посредством вытеснения юридических элементов в пользу исторической и культурной интерпретации. Представляется, что реформой 1983 года Иоанну Павлу II удалось превратить процедуру канонизации в инструмент легитимации, который, с одной стороны, учитывает требования открытости и обновления репрезентации, а с другой — дополнительно подтверждает централистскую структуру церковного ведомства и притязания на авторитарное правление. Таким образом, находящаяся под угрозой овеществления должностная харизма связывается с личной харизмой святых и блаженных. Данная легитимация должностной харизмы через «реперсонализацию» представляет собой особую, до сих пор незамечаемую форму преобразования подлинной харизмы.

Клаус Кремер с помощью веберовской теории харизмы исследует роль предсказателей финансовых рынков. Исходным пунктом для него является фундаментальная и экстремальная неопределенность на финансовых рынках в качестве нормального состояния. Но как акторы в условиях такой неопределенности вообще могут принимать решения? Ортодоксальная теория рынка капитала исходит из неоклассического положения, что финансовые рынки являются информационно-эффективными образованиями. При отклонениях постулируются постфактум особые экономические условия, которые следуют своим собственным законам. Таким образом, эта теория эффективных рынков капитала является совершенно непроверяемой. В то время как ортодоксальная теория рынков капитала исходит из образа рационального, максимизирующего выгоду инвестора, «behavioral finance», напротив, обращают внимание именно на эти отклонения от рационального типа вкладчика. Однако при этом они упускают из виду социальные институты и процессы, возникающие на финансовых рынках. Из социологической перспективы выдвигается тезис, что финансовые акторы принимают решения на рынке, взаимно наблюдая друг за другом. Речь идет об ожидании ожиданий в лумановском смысле. Финансовые рынки следуют собственному самореференциальному функциональному модусу. Посредством того, что одни акторы на финансовых рынках ориентируются на ожидания других акторов, они компенсируют

неопределенность и редуцируют комплексность. Однако данная модель ожидания ожиданий обнаруживает недостатки в объяснении. Необходимо различать конформные и отклоняющиеся ожидания. Чтобы объяснить динамику отклоняющихся ожиданий можно вновь обратиться к веберовскому понятию харизмы. Биржевые прорицатели могут разрушать конвенциональные ожидания относительно биржевых событий и мобилизовать верящих им сторонников, обещая им новые шансы на получение доходов. В центре харизматического вменения стоит не индивидуальный дар биржевого пророка, а его послание. Решающей является харизма идеи с ее новыми культурными рамками рынков экономики будущего и высокорискованных бизнес-моделей.

Йорг Россель своей статьей демонстрирует актуальную релевантность тезисов и понятий веберовской социологии потребления, которые находятся в явном противоречии с их общим (не)восприятием. В начале он обобщает и систематизирует замечания о потреблении, разбросанные по веберовским работам по социологии хозяйства. При этом фокус его реконструкции направлен на несколько аспектов: во-первых, это концептуальная и теоретическая релевантность понятия потребления среди основных категорий веберовской социологии. В их рамках решающим для капиталистической динамики мотивом является стремление к прибыли, но не поведение потребителей. Однако в современном капитализме поведение потребителей точно так же может быть рационализировано посредством денежных расчетов и эффективных цен — подобно формальной рациональности при расчете капитала. И оно рационализируется, хотя конкретный масштаб этого процесса рационализации остается эмпирическим вопросом. Во-вторых, с точки зрения Вебера, поведение потребителей обусловлено доступным доходом, структурой домашнего бюджета, а также традициями и обычаями, зависящими от социальной, этнической и конфессиональной принадлежности. Однако эти факторы релевантны не только для теоретической дискуссии и отчасти недооцениваются, так что автор готов и эмпирически доказать, что веберовские детерминанты поведения потребителей могут обладать объяснительной силой и в рамках современных исследований в области социологии хозяйства.

Мартин Гросс посвящает свою статью вопросу, насколько механизмы социальной замкнутости, восходящие к Веберу, могут быть ответственными за неравенство в заработной плате в Германии. При этом он ставит два вопроса: является ли неравенство доходов следствием механизмов замкнутости или рыночных механизмов? И на каком уровне главным образом действуют эти механизмы: на индивидуальном, профессиональном или на уровне предприятия? Применительно к рыночным механизмам автор исследует прежде всего значение теории человеческого капитала для объяснения различий в зарплате. Технологические изменения привели к тому, что индивидуальная квалификация становится все более значимой для получения большего дохода. Теория замкнутости социальных групп Макса Вебера обычно рассматривается в качестве альтернативного способа объяснения: определённые группы закрывают другим доступ к важным ресурсам

(например, ограничивают возможности получения образования, устанавливают профессиональные барьеры и организуют монополии на рынках товаров), получая тем самым доходы, которые не соответствуют вложенной квалификации и производительности (так называемые «ренту»). Но оба подхода, понимаемые, как правило, как взаимоисключающие, с точки зрения эмпирических данных скорее взаимно дополняют, нежели противоречат друг другу. Возрастающее значение квалификации сопровождается возрастанием значения процессов замыкания. Гросс показывает, что неравенство доходов в первую очередь происходит на уровне предприятий, то есть порождено установленными там режимами оплаты труда.

Вольфганг Кнёбль обсуждает в своей статье концепцию «множественной современности» и вызовы со стороны новейшей глобальной истории. Во введении он очень широко ставит скептический вопрос о возможном вкладе Макса Вебера в эту новую дискуссию, приходя к принципиально позитивному результату: смещение фокуса на глобальную историю выявляет как сильные, так и слабые стороны веберовской аналитической стратегии. Поэтому сначала Кнёбль спрашивает о том, какие новейшие глобально-исторические воззрения могли бы стать вызовом для лагеря веберянцев в теоретическом отношении. Он не видит особых проблем с концептом «entanglements». Связанные с ним исследования требуют теоретического и понятийного наполнения в духе Вебера. Бóльшую проблему представляет относительно сильная фиксированность веберянцев на национальном государстве, поскольку можно показать, что образование национальных государств в Европе тесно связано с имперскими проектами. Еще бóльшую проблему представляют так называемые дебаты о «Великом расхождении» (Great Divergence), в рамках которых критикуется тезис о том, что возвышение Запада намечилось несколько столетий назад, и которые могут пониматься как критика веберовского тезиса о западной рационализации. Далее Кнёбль фиксирует множество проблем, связанных с дебатами вокруг концепции «множественной современности»: постулируемая в них длительность и устойчивость процессов вызывает скепсис; если отбросить спорные религиозно-социологические рамки, то возникает вопрос о том, сколько, собственно, современностей существует; применение ортодоксальной теории дифференциации не ведет нас дальше и т. д. Он предлагает более активно использовать заявленный Вебером анализ разнообразных констелляций и избавиться от мышления в громоздких процессуальных категориях.

Томас Швинн подвергает критической проверке тезис о том, что в веберовских работах речь идет об историческом генезисе, а не о проблеме распространения модерна. В этом отношении значима политическая социология Вебера, в которой сравниваются друг с другом Германия, Россия и США. Здесь речь идет уже не о генезисе современности, как в сравнительной социологии религии, а о расширении и разнообразии модерна в начале XX века. Веберовские оценки долгосрочных путей развития обоих обширных государств на востоке и западе амбивалентны. Они колеблются от ожидания европеизации Америки и России до надежды на то, что благодаря двум этим странам «пространство модерна» будет оставаться от-

крытым. В противовес подчас редукционистским тенденциям у самого Вебера при изучении проблематики распространения модерна необходимо задействовать всю аналитическую программу, реализованную в рамках социологии религии. Здесь необходимо учитывать новейшую исследовательскую литературу. На примере США демонстрируется, что в сравнении с континентальной Европой там возникла самостоятельная форма современности, которая нашла свое выражение в политике, религии, праве и науке. Сравнительный анализ вариантов современности является приемлемым продолжением веберовской сравнительной социологии религии.

Проведение симпозиума и публикация сборника стали возможны благодаря всесторонней помощи. Сабина Реннингхоф подготовила манускрипты для публикации и печати, Кристоф Морлок составил предметный и авторский указатель. Обоим мы хотели бы высказать особую благодарность.

Райнер Лепсиус активно участвовал в подготовке симпозиума, на котором в апреле 2014 года он выступил перед многочисленными заинтересованными слушателями с одним из своих последних докладов. Несколько месяцев спустя он скончался. Мы потеряли харизматического учителя и оратора, блестящего и творческого мыслителя, обаятельного коллегу. Мы посвящаем сборник его памяти.

Мартин Ризенбродт умер в декабре 2014 года. В своих работах он блестяще раскрыл актуальные религиозные феномены и процессы с помощью категорий Макса Вебера. Он также останется в нашей памяти.

Литература

- Alexander J. C.* (1983). *Theoretical Logic in Sociology. Vol. 3: The Classical Attempt at Theoretical Synthesis: Max Weber.* Berkeley: University of California Press.
- Ay K.* (2006). *Gedenken in München 1964 // Ay K., Borchardt K.* (Hrsg.). *Das Faszinosum Max Weber: Die Geschichte seiner Geltung.* Konstanz: UVK. S. 393–405.
- Borchardt K.* (2006). *Einleitung // Ay K., Borchardt K.* (Hrsg.). *Das Faszinosum Max Weber: Die Geschichte seiner Geltung.* Konstanz: UVK. S. 7–13.
- Engisch K., Pfister B., Winckelmann J.* (Hrsg.). (1966). *Max Weber-Gedächtnisschrift der Ludwig-Maximilians-Universität München zur 100. Wiederkehr seines Geburtstages 1964.* Berlin: Duncker & Humblot.
- Fügen N.* (1985). *Max Weber.* Reinbek bei Hamburg: Rowohlt.
- Gneuss Ch., Kocka J.* (Hrsg.). (1988). *Max Weber: Ein Symposium.* München: dtv.
- Habermas. J.* (1981). *Theorie des kommunikativen Handelns.* Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Hanke E.* (2014). *Max Weber weltweit: Zur Bedeutung eines Klassikers in Zeiten des Umbruchs // Hübinger G.* (Hg.). *Europäische Wissenschaftskulturen und politische Ordnungen in der Moderne (1890–1970).* München: Oldenbourg. S. 285–305.

- Käsler D.* (2014). *Max Weber: Preuße, Denker, Muttersohn: Eine Biographie.* München: Beck.
- Kaube J.* (2014). *Max Weber: Ein Leben zwischen den Epochen.* Berlin: Rowohlt.
- König R., Winkelmann J.* (Hrsg.) (1963). *Max Weber zum Gedächtnis: Materialien und Dokumente zur Bewertung von Werk und Persönlichkeit.* Köln: Westdeutscher Verlag.
- Lepsius M. R.* (1990). *Interessen, Ideen und Institutionen.* Köln: Westdeutscher Verlag.
- Lepsius M. R.* (2006). *Münchens Beziehungen zu Max Weber und zur Pflege seines Werkes // Ay K., Borchardt K.* (Hrsg.). *Das Faszinosum Max Weber: Die Geschichte seiner Geltung.* Konstanz: UVK. S. 17–27.
- Müller H.-P.* (2007). *Max Weber: Eine Einführung in sein Werk.* Köln: Böhlau.
- Müller H.-P., Sigmund S.* (Hrsg.). (2014). *Max Weber-Handbuch: Leben — Werk — Wirkung.* Stuttgart: J. B. Metzler.
- Radkau J.* (2005). *Max Weber: Die Leidenschaft des Denkens.* München: dtv.
- Roth G.* (2001). *Max-Webers deutsch-englische Familiengeschichte 1800–1950.* Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck).
- Roth G.* (2006). *Heidelberg und Montreal. Zur Geschichte des Weberzenteriums 1964 // Ay K., Borchardt K.* (Hrsg.). *Das Faszinosum Max Weber. Die Geschichte seiner Geltung.* Konstanz: UVK. S. 377–391.
- Scaff L. A.* (2013). *Max Weber in Amerika.* Berlin: Duncker & Humblot.
- Schluchter W.* (1979). *Die Entwicklung des okzidentalen Rationalismus.* Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck).
- Schluchter W.* (1988). *Religion und Lebensführung.* Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Schluchter W.* (2006–2007). *Grundlegungen der Soziologie.* Tübingen: Mohr Siebeck.
- Stammer O.* (1965). *Max Weber und die Soziologie heute: Verhandlungen des 15. Deutschen Soziologentags.* Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck).
- Sukale M.* (2002). *Max Weber: Leidenschaft und Disziplin.* Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck).
- Tyrell H.* (2014). «Religion» in der Soziologie Max Webers. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Weber Mar.* (1984). *Max Weber: Ein Lebensbild.* Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck).
- Weiß J.* (1989). *Zur Einführung // Weiß J.* (Hrsg.). *Max Weber heute: Erträge und Probleme der Forschung.* Frankfurt am Main: Suhrkamp. S. 7–28.

Old Concepts — New Problems: Max Weber's Sociology in the Light of Current Challenges

Thomas Schwinn

Doctor of Sociology, Professor, Director, Max-Weber-Institut für Soziologie, Universität Heidelberg
 Address: Bergheimer Straße, 58, Heidelberg, Deutschland D-69115
 E-mail: thomas.schwinn@soziologie.uni-heidelberg.de

Gert Albert

Doctor of Sociology, Professor, Fakultät Humanwissenschaften, Universität der Bundeswehr München
Address: Werner-Heisenberg-Weg, 39, Neubiberg, Deutschland 85577
E-mail: gert.albert@unibw.de

Dmitry Kataev (translator)

PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Philosophy, Sociology and Theology, Lipetsk State
Pedagogical Semenov-Tyan-Shansky University
Address: Lenina str., 42/2, Lipetsk, Russian Federation 398020
E-mail: dmitrikataev@rambler.ru

Oleg Kildyushov (editor)

Research Fellow, Centre for Fundamental Sociology, National Research University Higher School of Economics
Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: kildyushov@mail.ru

A review of the article by Thomas Schwinn and Gert Albert is an introduction to the analogous digest following the symposium held in April, 2014, in Heidelberg in honor of the 150th anniversary of Max Weber's birthday. The representatives of a new generation of Weber-researchers are trying to present a panoramic view aimed at actualizing the ideas of the author and giving a new impulse to the study of his work. In the first part of the article, the authors trace the changes in the Weberian research tradition that occurred 50 years after the resonant Congress. The Weberian intellectual tradition at the present stage faces other challenges, the most important of which is the answer to the question whether Max Weber's sociology has sufficient potential to be a reliable theory for diagnosing and forecasting the problems of globalization and modernization, which is apart from the awareness of how modern society has emerged and is being formed. In the second part, critical annotations of reports and publications are presented. Thus, there is an explication of the thesis about the sufficient research potential of the three-part Weberian paradigm (theory, methodology, and historical analysis) for studying both the transformational processes of the present and for forecasting the development of modernity in the future, thereby encompassing a wide spectrum of actualized Weberian sociology.

Keywords: German theoretical sociology, Max Weber, Weberian paradigm, understanding sociology, multiple modernity, globalization

References

- Alexander J. C. (1983) *Theoretical Logic in Sociology, Vol. 3: The Classical Attempt at Theoretical Synthesis: Max Weber*, Berkeley: University of California Press.
- Ay K. (2006) Gedenken in München 1964. *Das Faszinosum Max Weber: Die Geschichte seiner Geltung* (Hrsg. K. Ay, K. Borchardt), Konstanz: UVK, pp. 393–405.
- Borchardt K. (2006) Einleitung. *Das Faszinosum Max Weber: Die Geschichte seiner Geltung* (Hrsg. K. Ay, K. Borchardt), Konstanz: UVK, pp. 7–13.
- Engisch K., Pfister B., Winkelmann J. (Hrsg.) (1966) *Max Weber-Gedächtnisschrift der Ludwig-Maximilians-Universität München zur 100. Wiederkehr seines Geburtstages 1964*, Berlin: Duncker & Humblot.
- Fügen N. (1985) *Max Weber*, Reinbek bei Hamburg: Rowohlt.
- Gneuss Ch., Kocka J. (Hrsg.) (1988) *Max Weber: Ein Symposium*, München: dtv.
- Habermas. J. (1981) *Theorie des kommunikativen Handelns*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Hanke E. (2014) Max Weber weltweit: Zur Bedeutung eines Klassikers in Zeiten des Umbruchs. *Europäische Wissenschaftskulturen und politische Ordnungen in der Moderne (1890–1970)* (Hg. G. Hübinger), München: Oldenbourg, pp. 285–305.
- Käsler D. (2014) *Max Weber: Preuße, Denker, Muttersohn: Eine Biographie*, München: Beck.

- Kaube J. (2014) *Max Weber: Ein Leben zwischen den Epochen*, Berlin: Rowohlt.
- König R., Winkelmann J. (Hrsg.) (1963) *Max Weber zum Gedächtnis: Materialien und Dokumente zur Bewertung von Werk und Persönlichkeit*, Köln: Westdeutscher Verlag.
- Lepsius M. R. (1990) *Interessen, Ideen und Institutionen*, Köln: Westdeutscher Verlag.
- Lepsius M. R. (2006) Münchens Beziehungen zu Max Weber und zur Pflege seines Werkes. *Das Faszinosum Max Weber: Die Geschichte seiner Geltung* (Hrsg. K. Ay, K. Borchardt), Konstanz: UVK, pp. 17–27.
- Müller H.-P. (2007) *Max Weber: Eine Einführung in sein Werk*, Köln: Böhlau.
- Müller H.-P., Sigmund S. (2014) *Max Weber-Handbuch: Leben — Werk — Wirkung*, Stuttgart: J. B. Metzler.
- Radkau J. (2005) *Max Weber: Die Leidenschaft des Denkens*, München: dtv.
- Roth G. (2001) *Max-Webers deutsch-englische Familiengeschichte 1800–1950*, Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck).
- Roth G. (2006) Heidelberg und Montreal: Zur Geschichte des Weberzenteriums 1964. *Das Faszinosum Max Weber: Die Geschichte seiner Geltung* (Hrsg. K. Ay, K. Borchardt), Konstanz: UVK, pp. 377–391.
- Scaff L. A. (2013) *Max Weber in Amerika*, Berlin: Duncker & Humblot.
- Schluchter W. (1979) *Die Entwicklung des okzidentalen Rationalismus*, Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck).
- Schluchter W. (1988) *Religion und Lebensführung*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Schluchter W. (2006–2007) *Grundlegungen der Soziologie*, Tübingen: Mohr Siebeck.
- Stammer O. (1965) *Max Weber und die Soziologie heute: Verhandlungen des 15. Deutschen Soziologentags*, Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck).
- Sukale M. (2002) *Max Weber: Leidenschaft und Disziplin*, Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck).
- Tyrell H. (2014) *“Religion” in der Soziologie Max Webers*, Wiesbaden: Harrassowitz.
- Weber Mar. (1984) *Max Weber: Ein Lebensbild*, Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck).
- Weiß J. (1989) Zur Einführung. *Max Weber heute: Erträge und Probleme der Forschung* (Hg. J. Weiß), Frankfurt am Main: Suhrkamp, pp. 7–28.